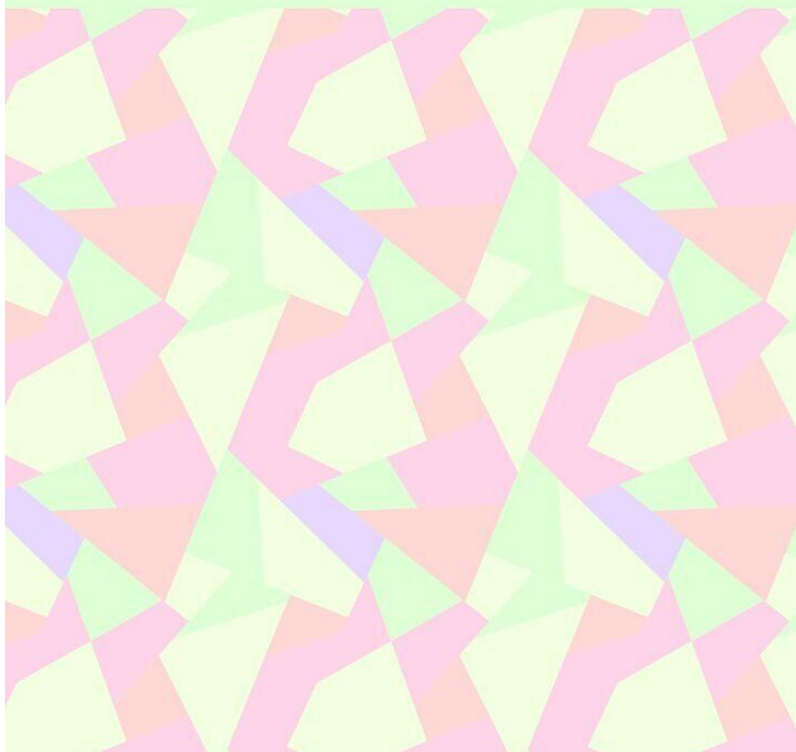

18+

Ольга Шишкина

Световая пыль

Ольга Шишкина

Световая пыль

<https://litres.ru/74544222>

ISBN 9785007135993

Аннотация

«Световая пыль» — роман о любви, музыке и времени. Двое людей встречаются, чтобы создавать музыку, но постепенно обнаруживают, что между ними рождается нечто большее. Песни появляются среди поездок, разговоров, ссор, тишины, усталости и попыток услышать друг друга. Это история о том, куда мы отдаём своё время, что создаём вместе и что остаётся после нас. О любви, которая проходит через людей и превращается в музыку.

Световая пыль

Ольга Шишкина

© Ольга Шишкина, 2026

ISBN 978-5-0071-3599-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Световая пыль

Роман

«Световая пыль» — роман о любви, музыке и времени. О двух людях, которые встретились не для того, чтобы написать красивую историю любви, а для того, чтобы через свои встречи, конфликты, расстояния, непонимание и близость создать то, чего по отдельности у них никогда бы не возникло. Это история о том, как рождаются песни. Не в красивой студии и не в тот момент, когда всё наконец становится легко, а среди жары, усталости, ссор, ожидания, переписок, неудачных дублей, обид, смеха, поездок, кофе, еды, молчания и бесконечных попыток снова услышать друг друга. В этой книге музыка становится способом исследовать любовь. А любовь — способом понять, что именно человек делает со своим временем. Сколько часов мы отдаём друг другу? Сколько — работе, творчеству, страхам, бытовым де-

лам, чужим ожиданиям? Что мы выбираем, когда одновременно важны несколько вещей? Когда нужно написать песню, но кому-то рядом плохо. Когда хочется обнять любимого человека, но он просит оставить ему пространство. Когда четыре строки требуют нескольких часов работы, а жизнь в это время продолжает происходить вокруг. «Световая пыль» не предлагает готовых ответов на эти вопросы. Она скорее приглашает читателя исследовать их вместе с автором. Что такое любовь — удерживать или отпускать? Что значит выбрать человека? Что значит выбрать музыку? Можно ли любить другого и при этом не потерять себя? И что происходит, когда между двумя людьми появляется третье — нечто, что словно приходит через них обоих и становится больше каждого из них? Эта книга ещё и о творчестве. О том, что за любой лёгкостью, которую мы видим со стороны, обычно скрываются десятки попыток, переделок, сомнений и разговоров. За песней, которая звучит три минуты, могут стоять месяцы жизни. За книгой — годы, которые никто не видит. За одним точным словом — целая история человека. Поэтому «Световая пыль» можно читать не только как историю любви. Это книга о том, как человек ищет своё дело, учится слышать себя, сталкивается с собственными ограничениями и всё-таки продолжает создавать. Здесь есть музыка, любовь, путешествия, еда, города, люди, встречи, расставания и воспоминания, которые спустя годы приходится буквально раскапывать по датам, фотографиям и старым со-

общениям. Но постепенно становится понятно, что всё это — только поверхность. Под ней находится главный вопрос: **что остаётся от нашей жизни после того, как проходит наше время?** Возможно, песни. Возможно, книги. Возможно, несколько фотографий. Возможно, чьё-то воспоминание. А может быть, только след — одна фраза, один аккорд, один образ, который однажды поддержал другого человека в трудный день. Именно это автор называет световой пылью — тем, что рождается из прожитой жизни, любви и творчества, а потом выходит за пределы тех, кто это создал. И, может быть, именно поэтому эту книгу стоит читать не только тем, кто любит. Её стоит читать тем, кто когда-нибудь выбирал между собой и другим человеком. Тем, кто пытался создать что-то своё. Тем, кто терял время и потом пытался понять, на что его потратил. Тем, кто знает, что иногда одна песня может сказать о человеке больше, чем тысячи разговоров. И тем, кто однажды задавал себе простой, но совершенно непростой вопрос: **а что я хочу оставить после себя?** Возможно, вы не найдёте здесь ответа. Но, может быть, найдёте свой собственный вопрос. А иногда именно с него и начинается самое важное.

Ольга Шишкина — писатель-футурист, автор тридцати книг, и «Световая пыль» — её тридцатая книга, которая выйдет в ближайший месяц. Автор более двадцати музыкальных треков, человек, который пишет песни на русском, английском и испанском языках и исследует не только лите-

ратуру и музыку, но и самого человека — его чувства, выборы, любовь, одиночество и способы оставаться живым в меняющемся мире. У Ольги три образования: IT, юриспруденция и большой опыт собственного бизнеса. За её плечами путешествия более чем по сорока странам, изучение языков, встречи с людьми самых разных культур, традиций и мировоззрений. Но, наверное, ни один список достижений не расскажет о ней так много, как то, что она продолжает делать со всеми этими впечатлениями. Ольга собирает их всю жизнь: запах специй на рынке, вкус еды в незнакомом городе, кофе в маленьком кафе, шум моря, извержение вулкана в Индонезии, случайный разговор с человеком, встречу, которая вдруг меняет направление твоей жизни. Она не собирает впечатления для того, чтобы расставить их на полке. Ей хочется превращать их в слова, музыку, образы и истории, чтобы однажды человек, открывший её книгу, смог почувствовать то, что когда-то почувствовала она сама. Чтобы смог услышать город, в котором никогда не был. Почувствовать запах кофе, который автор пьёт в тот момент, когда пишет эти строки. Увидеть вулкан в Индонезии. Услышать музыку. Почувствовать любовь. Ольга много пишет о будущем, но её интересует в нём не только технология. Её интересует человек, который окажется внутри этого будущего. Что произойдёт с любовью в эпоху искусственного интеллекта? Что произойдёт с чувствами? Что будет с природой, путешествиями, музыкой, творчеством, человеческой близостью? Ста-

нет ли человек чувствовать больше или, наоборот, постепенно разучится чувствовать? Что останется настоящим, когда вокруг станет всё больше созданного искусственно? Именно поэтому Ольга называет себя писателем-футуристом: она смотрит вперёд, но пытается разглядеть там прежде всего человека. Её книги исследуют современность через самые простые и одновременно самые сложные вещи — любовь, деньги, ревность, власть, свободу, творчество, желания и страхи. Среди её работ — «2050», «2030», «2100», «Тройничек», «Выход», «Популярность», «Деньги. Ехе», «Семь грехов. Ехе», а также книги «Ревность. Ехе» и серия «Яроград». «Световая пыль» занимает среди них особое место. Это книга о музыке, любви и времени, но вместе с тем — книга о том, как человек оставляет после себя след. Ольга — человек открытый, любящий жизнь, людей, природу, путешествия, разные культуры и традиции. Она вегетарианка. Она живёт в творчестве и постоянно учится видеть мир заново, даже если уже видела его много раз. Её любовь к Создателю проходит через всё, что она делает: через книги, песни, отношения, путешествия, природу и саму возможность быть здесь. И, возможно, поэтому для неё творчество — это не просто профессия. Это способ благодарить за жизнь. Ольга говорит об этом особенно ясно сейчас, когда понимает, насколько хрупким вообще является наше присутствие в этом мире. Она прошла непростой путь, пережила тяжёлые периоды своей жизни и сегодня воспринимает саму возможность

быть здесь, любить, писать, петь, путешествовать, встречаться с людьми и создавать как большое счастье. «Я очень рада быть здесь», — могла бы быть одной из главных её фраз. И эта радость не про то, что жизнь всегда была лёгкой. Скорее наоборот. Она знает цену тому, чтобы продолжать жить и создавать после трудностей. Поэтому она благодарит своих читателей, слушателей, подписчиков и всех, кто оказывается рядом с её творчеством. За то, что читаете. Слушаете. Смотрите. Спорите. Чувствуете. Возвращаетесь. Для автора это никогда не становится чем-то само собой разумеющимся. Потому что книга, однажды выпущенная в мир, перестаёт быть только книгой автора. Она становится встречей. И Ольга, наверное, больше всего хочет именно этого — чтобы между тем, что когда-то пришло в неё, и тем, что однажды окажется внутри другого человека, не исчезла живая связь. Чтобы запах кофе, который она чувствует сейчас, пока пишет эти строки, однажды стал вашим воспоминанием. Чтобы музыка, родившаяся между двумя людьми, нашла третьего. Чтобы история любви коснулась человека, который давно забыл, что сам умеет любить. Чтобы книга, написанная здесь и сейчас, смогла заговорить с человеком, который ещё даже не родился. Именно поэтому она пишет. Именно поэтому поёт. Именно поэтому продолжает собирать мир — не для того, чтобы сохранить его только для себя, а чтобы снова и снова возвращать его другим в той форме, которую умеет создавать. И, может быть, именно поэтому тридцатая книга

— это вовсе не итог. Это ещё одна дверь. А за ней уже начинается следующая история.

Серёне

Наверное, всё, что мы называем временем, — это просто световая пыль. Она оседает на нас, на наших воспоминаниях, на музыке, которую мы успели услышать и создать. Однажды нас не станет. Однажды время сотрёт и нас, и всё, что сейчас кажется таким важным. Но мне нравится думать, что время можно не просто потратить. Его можно превратить. В любовь. В музыку. В одну-единственную любовь, которая становится музыкой. Поэтому не выбирай меня. Выбери любовь. Не отдавай своё время мне. Отдай его музыке. Нашей музыке. Потому что, может быть, именно для этого нам и дано время — чтобы однажды оно не просто прошло через нас, а осталось где-то ещё. В нескольких нотах. В чьей-то памяти. В песне, которую кто-то включит спустя годы и вдруг почувствует то, чего уже давно нет. А потом и это исчезнет. И мы исчезнем. И останется только световая пыль. Но, может быть, в ней всё ещё будет звучать музыка.

Али и Нино

Я уже который месяц жила в Тбилиси. Что я могу сказать о Тбилиси? В Тбилиси очень вкусные корзиночки с невыносимо масляным кремом и клубникой. Это так сладко, фантастически вкусно, что вместо одной корзиночки мне всегда хотелось съесть три, но я покупала четыре и, как ни странно, на завтрак съедала все четыре корзиночки и благополучно

запивала их фильтр-кофе, смешанным с апельсиновым соком. И да, так начиналось моё утро. Я жила в районе рядом с зелёной веткой метро. Рядом со мной был большой парк, по которому я любила гулять после этих дивных пирожен. Я выходила из дома, шла в парк, и мне казалось, что эту идиллию ничто не могло нарушить. Я обживалась в Тбилиси. Это было прекрасно. Иногда я ездила в центр, в очень известную хинкальную, съесть несколько хинкалий — с картошкой или сыром — и прекрасный салат с помидорами, орехами и репчатым красным луком. Потом возвращалась домой и снова гуляла по парку. В общем, я совершенно не собиралась никуда уезжать. Я уже привыкла к этому городу, к этим завтракам, к своему парку, к метро, к Тбилиси, который постепенно становился каким-то моим. У меня была своя жизнь, и мне в ней было хорошо. Я не ждала ничего особенного. Во всяком случае, мне так казалось. У меня уже появились свои понятненькие места: в этом кафе я знала, что вкусный кофе, а вот здесь — вкусная шаурма. Мы тусили с друзьями, гуляли с ними по центру, ездили в наш любимый уютненький старинный грузинский ресторанчик в подземелье, кушали там чохохбили и были, так сказать, вполне счастливы и довольны своей жизнью. Тогда как раз я начала заниматься вокалом. У меня ничего не получалось, но я почему-то верила, что однажды может получиться. В общем, всё было как-то классно, вяло текуще, и особенно ни о чём не надо было париться. Я знала, что могу прожить в Тбили-

си хоть целый год. И вообще я не помню, как мне пришла мысль поехать в Батуми и зачем я туда в целом собралась. Не помню, что меня вдохновило, воодушевило подумать вообще в сторону Батуми. Наверное, единственное, что иногда будоражило моё сознание, — это скульптура Али и Нино, которую часто показывают во всех видео, на постерах, на открытках. Я смотрела видео, где Али и Нино идут друг другу навстречу, и мне казалось, что это какая-то очень загадочная метафора любви. Сначала они далеко друг от друга, потом идут-идут-идут, проходят друг сквозь друга, выходят и снова возвращаются, чтобы продолжить этот путь. Мне нравилось на это смотреть. И, конечно, поскольку я никогда не была в Батуми, мне хотелось увидеть это своими глазами. Я не помню, как купила билет. Вот не помню. Но я помню, как заехала в «Мариот» и влюбилась. Влюбилась в свой номер, влюбилась в свой лифт и влюбилась в этот район. Я жила там на каком-то очень высоком этаже, после двадцатого, по-моему, и из моего номера открывался поразительный вид на набережную. Я заехала, заселилась и пошла гулять. Сложно мне сейчас всё это вспоминать. Наверное, я взяла такси и поехала смотреть Али и Нино. Я ещё хотела подняться на ту самую сферу, где наверху есть обзорная площадка, но больше всего мне, конечно, хотелось увидеть их. Я помню тот момент, когда издалека впервые их увидела. Это было забавно: пока находишься далеко, вообще не понимаешь, на какой они сейчас фазе, как будто они всё время

находятся в каком-то своём танце, который тебе ещё только предстоит разгадать. Я подошла ближе. Был очень спокойный, безветренный день, я чувствовала запах бриза, вокруг почти не было людей, и я была одна. Сначала я решила просто посмотреть. Подумала, что несколько кругов посмотрю, а потом найду какой-нибудь хороший ракурс и начну снимать. У меня, конечно же, до сих пор есть в социальных сетях видео с их магическим движением. Они оказались достаточно большими, и я смотрела на них снизу вверх. Али и Нино медленно, неспешно, почти незаметно двигались друг другу навстречу. Они состоят из дисков, и эти диски проходят друг сквозь друга, будто две фигуры идут навстречу, встречаются, на мгновение становятся одним целым, а потом продолжают свой путь. Я стояла и смотрела на их танец и, кажется, именно тогда подумала: блин, это та любовь, которой у меня никогда не было. Такая любовь, когда люди идут друг другу навстречу, проходят друг сквозь друга, а потом выбирают снова вернуться и продолжить этот путь. И так до бесконечности. Они идеально проходили друг сквозь друга, не нарушая друг друга и при этом меняя пространство вокруг себя. Я, наверное, часа полтора просто стояла и смотрела на них, а потом начала снимать. Так я оказалась в Батуми и увидела Али и Нино. Потом мне захотелось прийти сюда вечером и поснимать их ещё раз, чтобы потом на монтаже сделать видео с того же ракурса — днём и вечером. Не помню, где и что я тогда перекусила. Кажется, просто немного

погуляла по этому району, походила без какой-то особой цели, а потом, уставшая, вернулась в отель и уснула. На следующее утро я проснулась и первым делом захотела тех же пирожен, которые преследовали меня в Тбилиси: моих любимых, жирненьких, масляных, сладеньких, с клубничкой. Но в Батуми их не оказалось. И следующий день, как ни странно, тоже был банален до безумия. Мне очень хотелось найти какую-нибудь вкусную еду. Мне вообще кажется, что на многие подвиги в этой жизни меня сподвигает именно поиск вкусной еды. Я шарахалась по Батуми совершенно бесцельно, прошлась по старому району, по улочкам, по центральной части города, где-то выпила, по-моему, американо с апельсиновым соком. Тогда был такой период, когда это сочетание будоражило не только мою голову, но и мои вкусовые рецепторы. Я совершенно не помню, как нашла этот ресторан. Это было какое-то уютное, приятное кафе с зелёной вывеской, и на ней мелом было написано что-то про веганскую лапшу. Я, наверное, в какой-то момент очень устала от всего мясного. В Грузии это, конечно, отдельная история: чохохбили, хинкали, хачапури, чахохбили, лобио, чашушули, сациви, оджахури — казалось, что куда ни зайди, тебя обязательно чем-нибудь накормят, и обязательно мясом, сыром, тестом или всем этим сразу. И вдруг я увидела это магическое слово — лапша. Любезный читатель, ты знаешь, что во многих книгах я пишу о своей бесконечной любви к Азии. Я как человек, который уже много лет живёт в Азии, продол-

жаю её любить. И больше всего я и мой внутренний ребёнок любим лапшу. И вот это магическое слово выбило меня из грузинской реальности, из грузинских будней, связанных с такими словами, как чохохбили, хинкали, хачапури и лобио. А тут — веганская толстененькая лапша. Всё, как я люблю. С каким-то потрясающим бульоном и тофу. Я зашла, заказала её и съела с острым соусом. Это было какое-то магическое место. Очень уютное кафе, где, кажется, пахло благовониями, и у меня появилось какое-то совершенно домашнее, тёплое, близкое чувство. Правда, находилось оно очень далеко от моего отеля. Прямо вообще на другом конце города. Но для меня в этом не было ничего странного. У меня иногда бывают такие приколы: я живу в одном месте, а в ресторан езжу реально на другой конец города. Сейчас, например, я была в Индонезии, и там у меня был точно такой же приколы. Я жила в одном районе, а в кафе «Батавия», которое мне вообще фантастически нравилось, ездила через всю Джакарту полтора часа по пробкам, только чтобы поесть. Для кого-то это, возможно, кажется странным, но для меня вполне нормальный квест. Иногда, если я могу остаться в городе подольше, я даже могу потом переехать поближе к любимому ресторанчику: снять квартиру, забронировать себе новое жильё или отель — это уже не имеет никакого значения. Главное, чтобы любимая еда была рядом. В этом кафе я спросила у ребят, со скольких они работают. Сейчас уже не помню, возможно, с десяти. Я подумала: блин, какая клёвая

лапша. Потом ещё взяла, по-моему, пока с собой, чтобы десять раз сюда не ходить. Лапшу я съела там, а пока забрала с собой. И подумала, что завтра обязательно приеду сюда ещё раз. Тем более что район был очень прикольный, по нему можно было погулять. Я сидела, ела лапшу, вокруг было уютно, пахло благовониями, и мне было хорошо. Доев самую офигенную веганскую лапшу в своей жизни, я вышла и пошла гулять. Кажется, пешком оттуда до моего отеля можно было дойти, и в тот день я действительно дошла до «Мариотта» пешком. Вообще в Батуми было очень много потрясающих магазинов, где можно было купить красивые росписи, шёлковые платки. В Грузии вообще очень много красивой одежды и потрясающих грузинских дизайнеров, в которых я бесконечно влюблена и в их творения. Было очень много красивых шляп. Я нашла там шляпный магазин. Очень качественные шляпы. Я очень хотела шляпу канотье и, кажется, купила себе такую, хотя, возможно, это было уже не в тот день. Я гуляла, вдыхала дымный солёный воздух и всё ещё думала об этой потрясающей лапше. Потом пошла, по-моему, на набережную и снова взяла себе кофе с апельсиновым соком. Там был какой-то маленький ларёчек, где его можно было купить. Я сидела на берегу, смотрела на волны и пила кофе. Для меня вообще есть какая-то очень мистическая сила в волнах. Когда я сижу и смотрю на них, мне всегда кажется, что я думаю о чём-то бесконечно вечном, хотя сама не знаю, о чём именно. Батуми тогда постепенно завоёвывал

моё сердце. Это было потрясающее время. Мои дни в Батуми шли. Наступало ещё одно утро, и я снова шла по старинным улочкам, фотографировала их, смотрела, как солнце отражается в витринах, проходила мимо своего любимого шляпного магазина и, конечно, снова приходила в ту потрясающую лапшичную. В своих путешествиях, в разных странах и городах я вообще очень много внимания уделяю еде. Для меня еда — это какая-то основа моего бытия. Я и в книгах всегда придаю ей большое значение, и в жизни тоже. Мне кажется, люди, которые создают такие места, кормят людей и проводят через себя это простое, но совершенно необходимое действие, — воистину мощные и гениальные творцы бытия здесь, на земле. Потому что без этого, конечно, никак. Я вообще в каждом ресторане или кафе, где ем, по возможности знакомлюсь с владельцами. Я всегда знаю администраторов, знаю официантов, они знают меня, они бесконечно любят меня, а я бесконечно люблю их. Для меня это очень важная тема — быть благодарной и с любовью относиться к тем, кто тебя кормит. Такова я. Вот такая моя суть. И так происходит в каждой стране, в каждом городе, в каждом месте. Неважно, что это — Dodo Pizza, кафе «Батавия», какой-нибудь известный ресторан или просто чифань в Китае, где ты остановился поесть на улице, или польский бар młeczny. У меня вообще по всему миру накопилось огромное количество каких-то вкусных воспоминаний, ощущений и ресторанов, которые я помню именно по тому, что там было вкусно и хорошо. Здесь

получилось так, что я постепенно познакомилась с ребятами из этой лапшичной. Тогда я ещё почти ничего о них не знала. Они просто работали там, готовили лапшу, отдавали её через окошко, шутили между собой, и я всё чаще стала чувствовать себя в этом месте как дома. И среди них был Сергей. В какой-то момент он просто оказался частью этой маленькой ежедневной жизни, хотя тогда я совершенно не придавала этому значения. Я помню один из первых моментов, когда он отдал мне мою лапшу. Из кухни шёл тёплый пар. Пахло бульоном, тофу, чем-то чуть-чуть рыбным и пряным, хотя лапша была веганская. Я взяла миску, и вместе с паром в лицо ударил этот знакомый запах острого соуса. Я уже заранее знала, что сейчас мой рот наполнится этой остротой, и мне от этого было почему-то очень хорошо. Сергей стоял напротив, что-то говорил, кажется, совершенно обычное, и тогда я впервые посмотрела на него внимательно. У него были невероятно глубокие серые глаза. Я не знаю, почему именно это я запомнила. Может быть, потому что вокруг всё было очень простое: лапша, маленькое кафе, пар, запах еды, люди, которые работали, я со своей вечной привычкой куда-нибудь идти дальше. А его глаза почему-то вдруг остановили меня на секунду. Я посмотрела на него и, кажется, просто улыбнулась. Потом взяла свою лапшу и пошла есть. А потом, как всегда, снова взяла поке с собой и пошла впитывать в себя энергию и мощь Батуми, смотреть, что ещё я не видела, гулять по старинному городу и проводить день на набережной.

Я не могу как-то особенно поэтично описать Батуми, потому что для меня тогда всё было примерно так, как я сейчас рассказываю: утро, это кафе, лапша, Сергей. Никакой особой истории в тот момент я ещё не видела. Я не помню, о чём мы тогда говорили. Мы просто перебрасывались парой слов, я иногда смотрела в его невероятные серые глаза, а потом ребята снова продолжали работать. Всё было очень буднично. И именно поэтому, наверное, я это так хорошо и помню. А потом был какой-то день, когда Сергей меня угостил чаем. Я даже не помню, какой это был чай. Может быть, пуэр, может быть, какой-то красный чай. Честно, не помню. У них там был маленький столик на улице, а я вообще люблю кушать на улице. Иногда кондиционеры работают слишком сильно, а иногда мне просто хочется сидеть снаружи. Я люблю эту французско-европейскую атмосферу, когда ты сидишь под зонтиком за маленьким столиком и ешь прямо на улице. Мне это очень нравится. Поэтому я всё время просила столик на улице. У них было окошко выдачи, потому что они работали на выдачу прямо на улицу. И вот мне снова сделали мою веганскую лапшу с бульоном. Я сидела за этим маленьким столиком. Передо мной стояла миска, от которой поднимался пар, пахло тофу, бульоном и специями. Я добавила немного острого соуса, попробовала лапшу, и через несколько секунд во рту уже разлилось знакомое жгучее тепло. Я сделала ещё пару глотков и только потом заметила, что Сергей вышел ко мне. Он оказался совсем близко. У него в руках была ма-

ленькая пиала с чаем. Он протянул её мне, и я взяла чай обеими руками. Я вдохнула его запах ещё до того, как сделала первый глоток. Там был какой-то сладковатый привкус чайной заварки, тёплый, немного терпкий. Я отпила и посмотрела на Сергея. И снова увидела эти серые глаза. Мне кажется, именно тогда я впервые почувствовала что-то странное. Не то чтобы я подумала о нём как-то особенно. Нет. Просто вдруг появилось ощущение, будто я уже знаю этого человека. Будто мы не знакомимся, а просто продолжаем какой-то разговор, который когда-то давно начали и почему-то забыли закончить. Мне кажется, мы говорили вообще обо всём. Было как-то очень легко и прикольно. Без неловкости, без необходимости что-то придумывать или изображать. Я сказала, что скоро уезжаю. А пока не уеду, сказала, что буду приходить есть лапшу, потому что мне нравится. Я снова сделала глоток чая. На секунду посмотрела в пиалу, потом подняла глаза и снова встретила с его взглядом. Я тогда ещё не знала, почему именно его глаза я запомню. Мы закончили с чаем, и я, как всегда, пошла по своим делам. Да, вот такой вот ещё один денёк в Батуми.

В горы

Наступил день моего отъезда. Мне нужно было съезжать из «Мариотта», и я собрала чемоданы. По-моему, уезжала я поздно — кажется, на поезде в Тбилиси, но сейчас уже не могу точно вспомнить. Я поехала с чемоданами в лапшичную, потому что заранее договорилась с ребятами, что оставляю

их там, а сама ещё немного погуляю по Батуми перед отъездом. Когда я приехала, снова увидела Сергея, поставила чемоданы и, конечно же, поела лапшу. К тому времени у меня уже появился свой маленький ритуал: прийти сюда, заказать ту самую веганскую лапшу, сесть за столик и какое-то время просто побыть в этом месте. Рядом со мной давно крутилась одна кошка. Её звали Луна. Она почему-то очень меня полюбила и почти каждый раз, когда я приходила, устраивалась у меня на коленях и засыпала. В тот день она тоже пришла, свернулась у меня на коленях и довольно быстро заснула, положив голову мне на руку. Сергей давно это заметил. Он сказал, что Луна вообще не всех выбирает, мало к кому подходит и ещё меньше кого действительно любит. Я погладила её по спине, посмотрела на Сергея и вдруг поймала его взгляд. Серые глаза. Я уже несколько раз замечала их, но каждый раз происходило что-то странное: я смотрела на него чуть дольше, чем собиралась, а потом сама не понимала, почему отвела взгляд. В тот день это повторилось. Я ела лапшу, Луна спала у меня на коленях, вокруг кто-то работал, открывалось и закрывалось окошко выдачи, пахло бульоном и острым соусом, а мы с Сергеем разговаривали так, будто никуда не спешили. В какой-то момент он сказал, что у него сегодня нет никаких дел и он может отвезти меня в одно очень красивое место. Я сказала: хорошо. Мы оставили чемоданы в кафе и вышли на улицу. Батуми был залит тёплым солнечным светом. Воздух пах морем, откуда-то тя-

нуло солью и влажностью, а после прохлады кафе улица показалась особенно тёплой. Сергей припарковал машину, и я впервые её увидела. Уже много лет спустя он рассказывал мне про этот момент. Говорил, что, когда я села в его машину, у него вдруг возникло ощущение, будто я его жена. Будто мы с ним уже много лет ездим вместе, будто я просто открыла дверь, села на своё место, и ничего необычного в этом нет. Я тогда ничего этого не знала. Более того, я вообще впервые видела его машину. Но спустя несколько лет я рассказала ему, что у меня произошло почти то же самое. Когда я села рядом с ним, у меня почему-то возникло ощущение, будто я уже знаю это место. Будто я не впервые открыла эту дверь и не впервые села рядом с ним, а просто вернулась туда, где уже когда-то была. Хотя это был первый раз. Первый раз, когда я видела его машину, первый раз, когда мы ехали куда-то вдвоём. Сергей завёл двигатель, я пристегнулась и открыла окно. В салон сразу ворвался ветер. Он коснулся моего лица, подхватил мои волосы, растрепал волосы Сергея, и какое-то время мы ехали с открытыми окнами, почти не разговаривая. Батуми проплывал за стеклом: дома, улицы, вывески, люди, редкие пальмы, солнечные пятна на дороге. Потом город начал постепенно исчезать. Улицы становились тише, домов становилось меньше, вокруг появлялось всё больше зелени. Сергей сказал, что везёт меня в одно интересное место, где мы сможем поболтать и попить чай. Куда именно — я не спрашивала. Мне почему-то бы-

ло спокойно. Я смотрела в окно и иногда поворачивалась к нему, ловя тот самый взгляд, который уже несколько дней почему-то не выходил у меня из головы. Не помню, сколько мы ехали. В памяти от этой дороги осталось не расстояние, а несколько отдельных картинок: открытое окно, ветер, его руки на руле, солнце, которое то появлялось, то исчезало за деревьями, и ощущение, что я еду куда-то, хотя совершенно не знаю куда. Потом мы оказались среди деревьев. Кажется, это была какая-то роща или небольшой лес. Там было тихо, солнечный свет просачивался сквозь листву, падая на землю замысловатыми пятнами, воздух стал прохладнее. Мы остановились, достали чай и сели где-то в этой зелени. По-моему, Сергей даже ходил купаться. Мы пили чай и говорили ни о чём. И вот этот разговор я почти совсем не помню. Вообще, когда мы с Сергеем пили чай вместе — тогда и потом, уже спустя годы, — у меня почему-то происходило одно и то же: я начинала смотреть на него и постепенно переставала слышать содержание разговора. Как будто слова становились чем-то второстепенным, а самым важным в мире оставались его глаза и чашка чая у меня в руках. Я делала глоток, чувствовала тепло, смотрела на него и совершенно не понимала, сколько прошло времени. В тот день солнце постепенно двигалось к закату. Свет становился мягким, золотым, деревья темнели, а между ними всё ещё оставались тёплые полосы света. Мы допили чай, и Сергей сказал, что покажет мне ещё одно красивое место. Мы снова сели в ма-

шину и поехали дальше, теперь уже вверх. Начался серпантин. Дорога закручивалась по склону, один поворот сменял другой, и Батуми оставался где-то внизу. Я смотрела в окно, на зелёные склоны, на дорогу, которая то исчезала за поворотом, то снова появлялась впереди. Вечерний свет ложился на горы, и мне казалось, что мы едем куда-то неизвестно куда. Прошло не так много времени. Когда мы поднялись на вершину, перед нами открылся потрясающий вид. Я помню простор, воздух, высоту и нас двоих, стоящих там наверху. Кажется, у нас даже где-то осталось это фото, если мы его не удалили. Мы стояли вместе на вершине, такие обычные, совершенно не понимающие, какую шутку сыграет с нами время. Потом мы спустились вниз. Уже начинало темнеть, когда мы вернулись в Батуми. Я приехала в кафе, забрала свои чемоданы, и мы обменялись телеграмом. На этом наше общение, наверное, и закончилось. Если бы я тогда знала, что больше ничего не произойдёт, на этом действительно можно было бы поставить точку. Я приехала в Батуми, ела лапшу, познакомилась с Сергеем, однажды поехала с ним пить чай, поднялась на гору, а потом уехала. Всё. Обычная история из нескольких дней жизни. Но некоторые истории становятся историями только спустя время. Я уехала, и следующие два года мы просто иногда переписывались. Несколько месяцев назад я перечитывала нашу переписку и увидела, что мы действительно писали друг другу довольно редко. Это были какие-то отдельные сообщения о важных событи-

ях нашей жизни. Я рассказывала ему о своих путешествиях, присылала фотографии, он рассказывал о том, что происходило у него, о своих непростых переживаниях, об одиночестве, о концертах. И, наверное, мне тогда было важно иметь человека, с которым можно было всем этим делиться. Я совсем забыла рассказать одну вещь: Сергей занимался музыкой. Причём давно и достаточно профессионально. А я в то время только начинала заниматься музыкой. У меня было не так много людей, которым я могла показать свои первые попытки, отправить что-то и сказать: «Смотри, я написала текст». И постепенно Сергей оказался именно тем человеком, с которым мне хотелось делиться своей музыкой. Тогда я ещё не знала, насколько важным окажется этот простой жест — отправить человеку свою первую песню. Но это уже другая история. О ней дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.